МОЛОТ

№ 4

Фото В. Сэлл

КЛАССОВАЯ БОРЬБА В СОВРЕМЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ.

«Ужи ползут... Надо бить тревогу»,—писал один товарищ с Урала М. Горькому.

С этого и начал свой доклад о классовой борьбе в современной литературе т. Л. Авербах в колонном зале Дома Советов в Туле.

В одной из своих статей М. Горький говорил о том, что налицо имеется мещанский ренессанс. Мы, на самом деле, в последнее время имеем много таких явлений, которые все вместе взятые могут быть названы явлениями мещанского ренессанса. Но этого сказать недостаточно, потому что, если в художественной литературе имеется усиление политического влияния нашего классового врага и колебания промежуточных элементов, то на ряду с этим мы имеем значительный рост наших кадров. Это явление отражает общие условия, которые переживает наша страна в связи с общественным обострением классовой борьбы в ней.

Если взять всю массу писателей, всю массу одной только художественной литературы, то мы можем установить, примерно, пять основных отрядов, в которые можно группировать писателей по общественному смыслу их произведений.

Во-первых, есть определенная группа писателей новобуржуазных, внутриэмигрантских. К ним относится и известная группа писателей староинтеллигентских, новобуржуазных и писателей кулацких. Во-вторых — группа старых попутчиков. Третья группа — интеллигентские писатели, которых можно назвать писателями новопопутническими. Четвертая—небольшой, но растущий отряд крестьянских писателей и пятая—пролетарские писатели.

Если разграничить выпущенную за последнее время художественную литературу, то мы увидим, что большинство напечатанных книг относится к попутнической литературе. Затем идет пролетарская и крестьянская литература и за ними—произведения обывательских писателей и писателей откровенно правых, новобуржуазных.

Буржуазная литература носит самый различный характер. С одной стороны, она носит характер контрреволюционного памфлета, как у Сергеева-Ценского, затем идеализация патриархальной старой деревни, как у Сергея Клычкова или опасный мистический характер, как у Новикова, и, с другой стороны, если не идеализация, то во всяком случае оправдание белогвардейщины, как в «Днях Турбиных» Булгакова и в «Беге» —произведении, еще более реакционном.

У нас сейчас усиливается мелкобуржуазная стихия и новобуржуазная опасность в художественной литературе. Она сказывается на произведениях наших писателей. Возьмем, к примеру, Малашкина — писателя — члена партии и пролетария по происхождению. Произведения его не могут быть названы произведениями пролетарской литературы. Владимиром Кирилловым выпущена книга стихов «Вечерние ритмы». Это насквозь сантиментальные, обывательские реакционные произведения бывшего пролетарского писателя. Даже в творчестве таких пролетарских писателей, как Федор Гладков, можно найти нотки упадочничества. Его повесть «Кровью сердца» является реакционным произведением.

У нас теперь в качестве попутчиков находится подавляющая часть современных писателей. Когда речь идет о попутничестве, то необходимо говорить о двух отрядах попутничества—о старом и новом. Возьмем группу старых попутнических писателей и остановимся на эволюции трех писателей: Пильняка, Всеволода Иванова и К. Федина. Пильняк от «Голого года», от своего первого произведения, которое, собственно, и дало основание назвать его писателем-попутчиком, постепенно отходил вправо. В его рассказе «Нижегородский откос», где описывается любовь сына и матери, проводится своеобразная аналогия с февральской революцией, прекрасное-де связано с ужасным, одно переходит в другое, и вот в этом заключается философия рассказа. Любопытен еще его рассказ «Черный принц», в котором идеализирована фигура японского концессионера. А что такое роман «Штосс жизни»? Это величественное презрение к жизни, ко всему тому, что происходит.

Такой же характер носит эволюция Всеволода Иванова. Всеволод Иванов напечатал повесть «Гибель железная». В этой повести он использовал,— и очень добросовестно,— воспоминания тов. Дегтярева. В. Иванов сохранил весь ход событий. Но что он сделал? Дегтярев рассказывал о героическом подвиге одного отряда, оставшегося без связи с Красной армией. У Всеволода Иванова человек представляет собой игрушку в руках стихий. Преувеличена роль подсознательного и биологического начал. То, что в «Тайное тайных» В. Иванов приписывал индивидууму, он в «Гибели железной» пытается приложить к коллективу.

Писатель-попутчик Константин Федин о себе писал: «Моя революция прошла, я вышел из партии, у меня тяжелая полка с книгами, я пишу». Что же представляют из себя его произведения? В романе «Братья» проводится, по существу, реакционная идея противопоставления искусству общественной жизни. В его «Трансваале» кулак является единственно движущей серьезной силой в деревне — ничто и никто ему не противостоит.

Известный отход вправо в группе старых попутчиков есть. Конечно, это относится лишь к некоторым и не может относиться к таким писателям, как Лавренев, Тихонов, Казаков, Сельвинский, Слонимский и проч.

В противовес ВАПП'у у нас была создана Воронским характерная интеллигентская группа „Перевал". Воронский и Есенин, вот два имени, которые красовались на знамени «Перевала». Творчество этой группы—творчество эпохи реакции, с безусловным преобладанием внимания к половому вопросу, который подавляет все, поднимается проблема «лишних людей», особенно остро и пессимистически трактуется.

Что же мы имеем сейчас в пролетарской литературе? За последнее время мы имеем громадный рост пролетарской литературы, обгоняющий рост всех других отрядов. Взять хотя бы для примера произведения: Шелохова—«Тихий Дон», Богданова—«Первая девушка», Виктора Дмитриева—«Дружба», повесть Кин, Чумандрина — «Фабрика Рабле», Панферова — «Бруски», поэмы Светлова и пьесы Киршона. Это новые и большие успехи пролетарской литературы. Но здесь никаких оснований для чванства нет, так как всякое наше достижение означает преодоление громадных трудностей.

В художественной литературе идет резкое обострение классовой борьбы, дифференциация между писательскими отрядами, флангами новобуржуазной литературы, с одной стороны, и пролетарской, с другой. Просачивается большая волна мелкобуржуазных обывательских настроений в известную часть попутнических писателей, попутчики дифференцировались, одна часть пошла направо, а другая идет с нами.

На выступление буржуазных писателей мы отвечаем творческой продукцией наших пролетарских писателей, которая имеет актуальный злободневный характер и которая сумела охватить больший круг читательских масс.

Необходимо нашу литературу окружать большим партийным вниманием, чтобы наши писатели чувствовали, что партия интересуется этим делом и придает ему большое значение

В НОРВЕГИИ.

(Из беседы с тов. Вяловым).

1. Мельников, 2. Вялов.

Зимой этого года высший совет физкультуры командировал на международные конькобежные соревнования, устраиваемые норвежским рабочим спортивным союзом, 6 наших лучших конькобежцев, в том числе и слесаря тульского завода № 1 тов. Вялова.

К моменту прибытия поезда с русскими спортсменами перрон в Осло (столица Норвегии) заполнили сотни рабочих. На перроне был устроен митинг.

Соревнования продолжались около двух недель. В это время на соседнем катке шли другие соревнования по конькам, устроенные буржуазным спортивным союзом. Но на них было пусто. Советские конькобежцы были в центре внимания.

На соревновании первое место занял Мельников, второе Кушин, третье Вялов.

Советские конькобежцы выезжали по приглашению на конькобежные состязания в Драммер и там тоже заняли первые места.

Драммер,—маленький городок, сжатый голубым кольцом озер. Большинство жителей—рыбаки. Много озер, десятки озер кругом, но нет ни одного озера, принадлежащего рыбакам. Озера — собственность нескольких богачей. У них работают рыбаки, им они ловят рыбу, для них они уходят в стужу и непогоду на чахлых суденышках по бурным мутно-зеленым волнам за 40 рублей в месяц.

Рабочие провожали советских спортсменов.

Передайте привет своей родине! Передайте привет стране советов!

Говор, крики и звуки музыки слились на вокзале в Осло в один сплошной гул.

Ежемесячный литературно-художествен. журнал

МОЛОТ

Тульской ассоциации пролетарских писателей

IV год издания. | Апрель 1929 года. | № 4 (29)

1 7 29 ОДЕСА

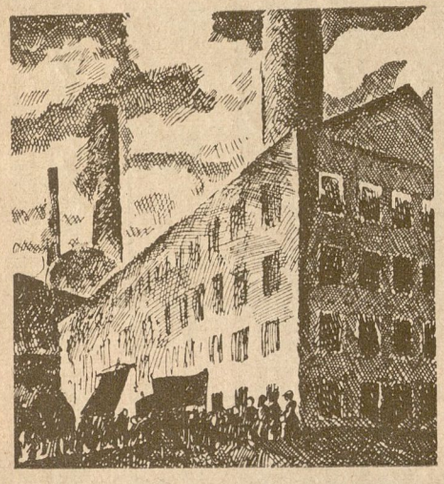
ДЕСЯТЬЛЕТ

Стихи

В КОЛОННЫ! НА УЛИЦЫ! С ПЕСНЕЙ!

Плывет по раздолью страны
Веселая музыка мая.
И первые токи весны
По чащам лесов пробегают.

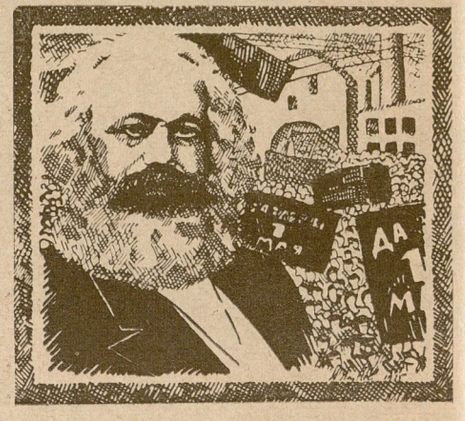

Сбор у завода.

Стропила над стройкой сплелись
Десятками, сотнями лестниц.
Там ветер—
Лихой гитарист—
Играет до сумерек песни.
Вон трактор уходит в поля
Распахивать черные волны...
Пьет вешнюю брагу земля—
День солнцем и влагою полный...
По улицам всех городов
Кумачный пожар полыхает,
Вплетается гулкий гудок
В веселую музыку мая.
—Товарищ, ты видишь:
Весна!
Товарищ, ты слышишь победы!
Цветет по-иному страна,
Как только мечталося дедам!
Шумит по-иному она,
Все радостнее и чудесней..
Товарищ, ты видишь:
Весна!..
— В колонны!
На улицы!
С песней!
Срывается ритм стихов
И сердце дает перебои
От этого гула шагов
Над нашей великой страною!

Идет за отрядом отряд
Под жаркими солнца лучами.
Знамена, как рощи, шумят
Над нашими головами...

Ив. Костин.

Карл Маркс

Один из основоположников Дня Интернационала — 1 мая.

ТРИ ВЕСНЫ.

Еще мертвы дерев изгибы
И тих бульварный палисад.
Не тлея под лучом, лежат
Снегов серебряные глыбы.
Весна, быть может, далеко
Шумит рекою половодной,
Но неба синее трико
Как будто вымыто сегодня.
Колючий снег в мое окно
Не сыплет озорная заметь..
. . . . . .
Те дни,
Что были так давно,
Сегодня пробудила память.
С тех пор,
Как и всегда, ясны,
С теплынью зорь
И с буйным лугом
Прошли в былое
Три весны,
Как шхуны в море,
Друг за другом.
В руках тетрадь,
Но, как во сне,
Собою заслонив страницу,
Проходят, улыбаясь мне,
Родные,
Дружеские лица.
Поют,
Кувалдами звенят;
И я—не тот,
И я—вчерашний,
Огни печей вокруг меня
И труб дымящиеся башни.
Опять,
В рубахе кузнеца.
Со мной сосед
Старик Маркелыч;
Я вижу каждого лица
Незабываемую мелочь.
Я помню слов
Живой разлив,
Когда узнать о незнакомом
Ходила в каждый перерыв
Ко мне курьерша из завкома.
Мой взор тогда яснее был,
Глаза и руки—неустанней...
.. Звонок трамвая перебил
Живую прядь воспоминаний.
И снова память холодна...
... До боли жаль и непонятно,
Что та последняя весна
Так далека
И невозвратна.
Но от меня
Заводский гам
Не скрыли каменные стены,
И на рассвете
По утрам
Я слышу медный крик
Сирены.
Как три весны тому назад,
Я эту песню понимаю.
. . . . . .
За окнами
Рожки гудят
И с громом катятся трамваи.

МИХ. ЗАЙЦЕВ.

Февраль—29 г.

РАССВЕТ.

Расплавился туч темносиний свинец,
Проснувшися небо вздохнуло
И «Малой Медведицы» сизый конец
Качнулся от резкого гула.

Надвинулся синий туман на реку,
Дорога запела возами,
И месяц, дремавший, как сыч на суку,
Испуганно дрогнул глазами

Рассвет.. Заалели бока луговин,
Река заструилась устало.
И старое небе, как старый овин,
В стотысячный раз догорало

Я глаз не смыкаю всю ночь напролет,
И строки, как струны, рыдают,
Но стоит взглянуть на рассвет, на восход—
И снова душа оживает.

И грудь забывает вечерний покой.
И грудь закипает отвагой.
И строки смеются, бушуя волной,
Над порозовевшей бумагой!

И верю: зачем же грустить средь равнин,
Зачем улыбаться несмело,
Коль старая жизнь, точно старый овин,
В рассвете годов догорела!

Косая Гора **Мих. Рудин.**

Рубка дров.

И жизнь я безумно люблю,
И все-то в ней кажется новым,
Когда на морозе рублю
Дрова колуном полпудовым.
Растет мой душевный под'ем,
Огонь пробегает по жилам,
И в каждом движеньи моем
Играют здоровье и сила.
Летит и вихрится щепа;
Трещат, раздираясь, поленья,
И ставлю я все на «попа»,
Все чувства мои и хотенья.
И смело кричу я судьбе:
«Попробуй меня обездолить
С таким-то упорством в борьбе,
С такою-то жаждою воли»!

Г. Куликов.

НАКАНУНЕ

Из романа В. Старцева *).

Рис. А. Лесного.

ГОТОВИТ ужин Евсей. Инвентарь у него простой: шнурок для связывания гранок набора. Евсей нанизывает на шнурок картошку и опускает в печную тепловую отдушину.

— Хорошая картошка,— говорит Николаю Евсей.— Ешь...

Николай ел, думал о евсеевой жизни, стараясь разгадать ее. И, как бы высказывая вслух свои мысли, заметил:

— А ведь ты, Евсей, мог лучше жить.

— Ничего, голубок, я и так живу хорошо.

Николай оглядел грязное, в желтом свете сальных свечей, помещение типографии.

— Мало хорошего жить в этой свинцовой пыли, голодать...

Евсей непромытыми от краски руками сдирал черную кожуру с картошки, отчего она не становилась белей, и медленно жевал, двигая большими челюстями.

— Что ж такое свинец,—небрежно, как бы нехотя, ответил Евсей.— Другому и без свинца вся жизнь — тяжелее свинца. По-разному умеют жить.

— Ну?—вопросительно протянул Николай, приготовившись слушать.

Евсей, обычно говоривший редко и коротко, разговаривывался лишь тогда, когда темой разговора являлась человеческая жизнь. Он философствовал, но философия его была простая, не надуманная, будто все тропы и дороги жизни человеческой он знает и возражать ему в этом не придется.

— Вот хотя бы тебе тоже завидовать не следует,—вставая, сказал Самойлову Евсей, как-то улыбаясь одними глазами.

Евсей быстро закурил и стал налаживать машину.

— Ты скажи, чувствуешь ли ты свою жизнь?—снова обратился он к Николаю, наливая краску в резервуар машины.— Ты все о деле,—о человеческом деле заботишься. А за работой и не живешь своей жизнью. А если ты своей жизни не чувствуешь, то и чужую,— по-настоящему, по-человечески,— не будешь чувствовать... Мало жить одной головой — и сердцем жить надо...

Евсей повернул колесо, пробуя машину. Машина лязгнула, промыхнула железом. Убедившись в ее исправности, Евсей снова подошел к Самойлову и с дружеской, почти отеческой заботливостью продолжал свои поучения:

— Плохо это, мидок. Книжки вот твои, прокламации эти, верно: огонь. А огню надо чем-то гореть. Вот, брат. Живешь, так гори. Чувствуй жизнь.

Он улыбнулся в свои выцветшие белые усы и отошел к машине. Еще раз попробовал ее исправность и коротко бросил:

— Готово!

Николай подошел к работающим у реалов Федору и Насте.

— Все из рук выбились... Город без газеты ..

— Сейчас, Николаша, последняя верстатка,— предупредительно сказал Морозов.

В его руках проворно щелкали свинцовые литеры даже тогда, когда он говорил.

— К утру нагрохаем.

— Товарищ Николай,— обратилась к Самойлову Настя.— Я вот здесь никак не могу разобрать.

— Куриный почерк,— вставил Морозов.—Голова работает, а руки не слушаются. А у меня наоборот. Хи, хи, хи!

— Вот тут,—указывает черным от краски пальцем Настя на строки загрязненного в краске листка.—Не то войдут, не то пойдут?

— Впадут!—воскликнул, смеясь, Самойлов.— «Впадут в сон заводы», товарищ Настя.

— Готово!—воскликнул Федор, поддергивая штаны.—Крепко сделано! Замрут, как дважды два... все фабрики и заводы.

Загремела машина. Евсей привычно спокойно повертывал колесо, которое мог бы приводить в движение двигатель не менее лошадиной силы. Свежие листки прокламаций складывались стопочкой деревянными пальцами машины...

***

Бледно-синий рассвет вливался сквозь мутные стекла типографии, обнажая машины и реалы. Хозяин Трофим Ефимович, переступив порог, остановился в недоумении. За ним высунулась кошачья голова Лукича.

Очнувшись от столбняка, Трофим Ефимович упавшим голосом зачастил:

— Напились опять... напились... На кого надеялся—подвели, сукины дети.

Он сразу ослабел, сел на табуретку у двери.

— Замучили.

И, точно вспомнив что, быстро вскочил с места:

— Забастовку затевают! — На маевку обязательно все попрут!

Он пустился бегать по типографии, точно это ему могло помочь выйти из затруднительного положения.

— Трофим Ефимович,—подскочил сбоку Лукич, согнувшись, стараясь быть ниже хозяина.—Все это слесарь затевает. Истинный бог. Говорил я: уволить надо.

— Кто хозяин?!—закричал Трофим Ефимович, закинув для внушительности ногу на талер.—Все вы шарлатаны... за глаза.

— Поверьте совести, Трофим Ефимович,—бегал за хозяином Лукич.—Настю сманивает.

— Кто?!—пронзительно крикнул хозяин, остановившись.

Лукич попятился в сторону.

— Самойлов... честное слово.

— Врешь все,— мазнул платком по лысине хозяин.— Ах, шарлатаны. Замучают... Где гвардия-то? Собирать надо...

Трофим Ефимович сел между реалами. Трепыхающаяся маленькая фигурка его снова вся опустилась и он беспомощно забормотал:

— Все из рук выбились... город без газеты...

Он собрался еще многое говорить, что его осрамили, разорили, но так ничего и не сказал, оставшись с открытым ртом: в это время рядом из-под обрезков бумаги под таллером высунулась, стукнув об пол, чья-то нога в рваном сапоге.

— Тут!—радостно воскликнул хозяин.

Он вскочил с места и начал ногой толкать под таллер.

— Эй, гвардия, вставай! Вставай, черти, мучители вы мои!

Из-под бумаги неохотно вылезали: Пашка, Ванек-Москвич; за ними из-за касс поднимались Митька и Алеша. Все они— в клочьях бумаги, грязные, в смятых рубашках и с всклоченными волосами. Проснувшиеся встали, точно вкопанные, перед хозяином, уперев в него недоуменные взгляды. Хозяин в свою очередь с минуту молча смотрел на наборщиков. Вдруг, взмахнув руками, точно птица крыльями перед полетом, сорвался с места и пустился бегать по типографии:

---

*) Отрывок из третьей главы романа. См «Молот» № 3 (28).

— Черти! Мучители рода человеческого! Без водки жить не могут.

Остановился около наборщиков, видимо поняв бесполезность своей горячности:

— Живо становись за кассы!

Наборщики не двигались с места и молчали. Только один Пашка промычал что-то нечленораздельное.

— Обалдел! — крикнул хозяин, дергая за рукав высокую фигуру Пашки, глядя на него снизу вверх.— Воды! Водой его отливать,— приказал он Лукичу.

— П-п-похмелиться...—пробормотал Пашка, повидимому, не понимая или не желая понимать того, чего от него хотят...

— Нету!—снова забегал по типографии Трофим Ефимович.— Нету!

Митька, в знак протеста, снова полез под таллер, за ним Алешка.

— На, грабьте!— завопил хозяин. Достал из кошелька деньги и бросил на таллер.

Москвич схватил деньги, достал из-под кассы бутылки и побежал из типографии. Столкнулся у двери с Лукичем: мастер семенил навстречу с ведром воды. Холодный поток из ведра неожиданно обрушился на Пашку. Пашка зарычал, набросился на Лукича, подмял под себя и пустил в ход под бока мастера свои гири-кулаки, отчего Лукич только ухал и кряхтел. Хозяин дергал за плечи Пашку, а Митька и Алешка, вылезшие из-под таллера посмотреть занимательную картину, заливались гомерическим хохотом.

Удовлетворившись, Пашка встал и буркнул:

— Гад... Смотри у меня... вперед пятками пойдешь.

Хозяин только шлепал себя руками по бедрам:

— Разбойники!.. Чистые разбойники!

Он вытер в десятый раз платком лоснившийся от пота череп и обратился к Митьке:

— Что? Опять налопался?

— На свои деньги, дяденька,—ответил развязно Митька.

— Вот племянничек,— укорял Митьку Трофим Ефимович.— И родители-то от него отказались, а он на дядину шею навязался. Не стыдно тебе, а? Ах, босота.

— Не босота и не племянничек, а рабочий. И ты мне не дядя, а эксплоататор... Впрочем, дядя, я говорю с тобой, как делегат...

Митька вынул из кармана исписанный лист бумаги и подал дяде.

Хозяин надел очки и стал читать:

— М-м... «девятичасовой рабочий день»... Что? (продолжает) «Сальные свечи заменить лампами»... мм-м... «Прекращаем работу»... Забастовка!? Кто? Слесарь все?

— Я и сам не знаю, дяденька.

— Как? Заодно с ними, а не знаешь?

— Видишь, дяденька,— спокойно ответил Митька, разводя руками.—Лежал на столе лист. Кто написал и кто положил, поверь моему честному слову, не знаю. Внизу на листе кружок был начерчен, а мы все, кучей сразу, со всех сторон у стола подписывались в кружке. Ха-ха-ха! Вот и отгадай, кто первым подписал?

Внимание хозяина привлек печатный лист бумаги, торчащий из-под машины. Он подпрыгнул к нему по-воробьиному, поднес к самому носу и забулькал отрывки фраз:

—«С оружием в рука-а-а-х»... «На улицу, това-в-а-а»... Ах, сукины дети!— завопил хозяин.— В моей типографии. Лукич! Лукич!— кричал он пронзительным голосом, хоть мастер и был все время неотступно около него.—В полицию! Скорей в полицию! Ловить разбойников! В острог!

Лукич бросился из типографии. Вслед за ним выпорхнул и хозяин.

Вбежал Ванек с бутылкой в руках:

— Ух, а я думал пожар: куда-то хозяин с мастером понеслись.

— Прокламации кто-то подбросил, вот и взбесились,— буркнул Пашка, с ловкостью выталкивая о широкую ладонь пробку из бутылки.

— Гуляем, ребята!— воскликнул Митька, расстилая на полу обрезки бумаги.

— Вот тут мы и устроим маевку,— залился мелким смехом Алешка.

Пашка достал из кармана хлеб, из-за кассы стакан.

По первому стакану пьют молча, нетерпеливо ожидая каждый своей очереди.

Пустил в ход под бока мастера свои гири-кулаки.

Пашка ободрился:

— Гуляй! Наливай, Митька! Небось, не треснет твой дядя. А треснет—чорт с ним, другой будет.

— Заливай, братва,— подмигнул Митька, разнося водку.— У дяди денег хватит.

— Вот это праздник!— с восторгом выкрикнул Ванек.— Алешка, гармошку!

Алеша достал гармошку и зачастил плясовую. Ванек вскочил, пустился вприсядку, подпевая:

Ты, Матаня,
Я твой Ваня,
Ты Матянюшка моя...

Все, шлепая в ладоши и по сапогам, пели:

Из Саратова кума
В решете приплыла,
Эх, Матаня,
Я твой Ваня...

В это время в типографию вбежал Федор Морозов в сопровождении нескольких наборщиков:

— Дьяволы! Забастовку срывать!— закричал он, нахохлившись, выйдя из обычного спокойствия.

Возмущенные, кричали и его товарищи:

— Морды им набить!

— Вышвырнуть!

— Стой! Что орете?—встал перед делегацией Ванек.—А мы что делаем? Не видите: бастуем. «И-эх, Матаня, я твой Ваня»...

— Вон отсюда! Чтоб духу вашего тут не было!— задористым петухом наступал Морозов.

Поднялся Пашка:

— Брось, старик. Видишь не работаем, а пьем. И ночью не работали: вот тут спали... вдрызг...

— Спали?— испуганно спросил Федор, заглядывая то под таллер, то на пьяную компанию.

— Ну, ребята, бросай! Айда на маевку!— рявкнул Пашка товарищам.

Пьяные повскакали на ноги.

— Ну, чорт с вами!—крикнул Федор.—Идем, товарищи!

Все с шумом бросились на улицу. Митька на ходу расталкивал по карманам невыпитые склянки водки, закуску...

И тихая майским утром улица наполнилась громким пением:

Отречемся от старого мира,
Отряхнем его прах с наших ног...

Из окон улицы высунулись недоумевающие лица. Толпа бодро шла, пела и смеялась. Вдруг на перекрестке улиц раздался свисток городового. Высунувшиеся из окон лица испуганно нырнули обратно в скорлупу домов. Сразу затрещало несколько свистков. Мигом на краю улицы показались полицейские. Завидя их, толпа на перекрестке бросилась в рассыпную во все улицы.

Через несколько минут к прибывшему в типографию ротмистру привели пойманного рабочего. Ротмистр в рабочем узнал доносчика Лукича и закричал на полицейских:

— Кого поймали-то, чортовы моржи.

Лукич услужливо заулыбался: «Ничего, мол, ошибка в вину не ставится».

Ротмистр быстро вытащил из портфеля фотографический снимок с Самойлова, подвел к себе за рукав хозяина и строго сказал:

— Как же ты, батенька, беглого государственного преступника у себя держишь? Твой Самойлов — не Самойлов и зовут его не Николай; это—Илья Сормов!—с важностью воскликнул ротмистр, как бы выражая довольство тем, что сделал такое открытие.

— Илья Сормов? — бессмысленно переспросил Трофим Ефимович, шлепнувшись на табуретку.

— Да, Илья Сормов,—выразительно повторил ротмистр, как будто говорил про такое всем известное лицо, которое не мог не знать хозяин.

Стоявшая за дверью и все слышавшая Настя выбежала на улицу. Наткнулась на лошадь, на которой прибыл ротмистр. Мигом, не раздумывая, вскочила в седло и помчалась в лес, где собиралась маевка.

***

Ротмистр, еще накануне, когда его вызвал лично к себе губернатор, был самодовольно настроен. Он чувствовал всю важность порученного ему дела: он не допустит беспорядков и разделается с крамольниками по всей строгости... Инструкции. Беспорядки? Для него хорошо

беспорядки. Кричащая толпа... Налет... Потом... благодарность... А может быть и повышение...

Первое мая и для него было необычайным днем: он по-своему также ждал от него себе счастья.

Довольный собой ротмистр лег спать. Думал он о предстоящем дне, как о приятном... С утра начнутся заботы и беспокойства о нем молодой жены. Ротмистр в этих случаях успокаивает ее тем, что он достаточно силен и победа за ним верная. И ротмистр гордится этим.

Потом приятный горячий кофе, завтрак, газеты... Услужливая горничная в беленьком фартучке. Он с ней сегодня чересчур откровенно шутил, она только застенчиво улыбалась. Но это еще ничего не говорит... Надо завтра еще... Да, завтра? Это дело? И ротмистр снова вернулся к мыслям о завтрашнем дне. Его, чуть ли не геройская решимость... А дальше—более важнейшая и ответственная работа на благо и спасение родины и царя.

С этими мыслями и уснул ротмистр. Что видел он во сне, ничем не отличалось от его обыденной жизни. В чем-то упрашивала его жена. Он стоял перед ней, слегка подрыгивая ногой и постукивая папиросой о тяжелый серебряный, с крупной золотой монограммой и короной, портсигар. Потом почему-то вместо жены перед ним оказался губернатор. И уже не он, ротмистр, а губернатор подрыгивал ногой, коротко отдавая распоряжения...

Ротмистра разбудили рано, так что утро он не успел провести по установившемуся порядку. Такое важное дело, как открытие места печатания прокламаций, нельзя откладывать. Он из об'яснений Лукича привычным чутьем понял, что недавно появившийся слесарь Самойлов действительно «политический», как убеждал его Лукич, просто выдумавший это слово теперь, у ротмистра. Ротмистр подал Лукичу альбом карточек бежавших и скрывающихся политических арестантов. В молодом арестанте Илье Сормове Лукич без труда узнал слесаря Самойлова и, обрадовавшись, закричал:

— Он! Ей богу он, ваше высокоблагородие. Я же вижу человека.

Ротмистр верхом помчался к типографии...

Подтянув полицейских, дав хорошую проповедь и без того горем убитому Трофиму Ефимовичу, допустившему печатать прокламации в своей типографии, и, выяснив, что Сормов «не иначе, как среди забастовщиков», ротмистр спешил действовать.

— Где лошадь? Какой чорт лошадь угнал?! — выбежав на улицу, кричал он на полицейских.— Что вы делали, ротозеи?!

Евсей неспеша шел лесом.

— Что же это, батенька,— обратился он к выбежавшему на крик Трофиму Ефимовичу.— Целую шайку разбойников у себя развел?!

Хозяин только разводил руками. В эту минуту он чувствовал себя виновником всех сыпавшихся кругом бед и был готов поверить, что развел целую шайку разбойников.

— Скорее лошадь! — крикнул ротмистр, и сразу рванулось с места несколько полицейских...

... К загородной засеке, вздымая клубы пыли, несся конный отряд под командой ротмистра...

***

Пробудившаяся весна буйно царила над землей, покрывая ее молодой зеленью. Звенел лес под вздохами майского теплого ветра.

К солнцу, вскипавшими волнами, поднимались облака. Вдалеке за лесом, в сини спустившихся туч, воинственно раскрывался первый гром...

Гремел голос Архипа среди сотен оживленных радостных лиц. Весеннее солнце, шумевший лес, гром—возбуждали, поднимали настроение.

Архип говорил:

— Праздник солнца, праздник весны—наш праздник... рабочих всего мира... Мы сделаем землю свободной!

И все чувствовали этот праздник в себе, в товарищах. И Николай Самойлов, не только мозгом, а сердцем, всем существом, чувствовал всю радость жизни в созвучии с природой.

Вечно суетящийся Морозов подмигнул Николаю и Самойлов беспечно рассмеялся.

Усилившийся ветер принес тучу, но тому, кто справляет свой праздник, кажется, и дела не было до этого...

К толпе подкатил всадник. Во всаднике Николай узнал Настю. Она подбежала к нему с криком, путая имена:

— Коля!... Илья!...

— Замолчи! Какой Илья? Откуда это ты? — испуганно зашептал Самойлов-Сормов.

— Полиция!—задыхаясь, вскрикнула Настя.— Полиция опознала. Садись! Беги!

Она подала поводья лошади Сормову.

— Товарищи, спасайся! Полиция!—крикнул Илья.

Все бросились бежать по лесу.

Илья обнял Настю:

— Настя, спасибо милая!

— Беги, беги!—кричала Настя, не давая ему говорить.

... Сормов несся меж деревьев в поле, откуда шла первая майская гроза...

***

Евсей шел по лесу своей размеренной мешковатой походкой, как будто продолжал долгий путь. Впереди его, в чаще деревьев, мелькали разбегающиеся товарищи. Евсей смотрел на их суматоху и вся его спокойная фигура будто говорила: «Ну, стоит ли беспокоиться»?.

Когда Евсей заметил в кустах бежавшего Морозова, который отчаянно махал ему руками и что-то кричал, из чего Евсей расслышал только одно слово: «архангелы», он, Евсей, удивился, как это взрослые могут уподобляться детям...

Евсей шел по притихнувшему перед бурей лесу, под ногами прыгали лягушки, быстро уползали ящерицы, шурша в траве, и по кустам порхали замолкшие птицы, ища убежища перед дождем. Евсею все казалось в порядке вещей; в порядке вещей и налет полиции, которой и надо было ожидать с минуты на минуту.

Вдруг неподалеку в кустах Евсей услышал женский крик. Прибавив шагу, он увидел круглую фигуру ротмистра и выбивавшуюся из его рук женщину. Несколько прыжков через кусты и Евсей очутился около борющихся. Ротмистр выпустил женщину, уставил испуганный взгляд на неожиданно появившуюся громадную фигуру Евсея, схватился за шашку и пронзительно испуганным голосом закричал:

— Разбойник! Разбойники!

Широкой рукой взял за ворот ротмистра Евсей. Затрещал ротмистровский мундир. Евсей качнул мешковатую фигуру ротмистра и ударил головой о ствол дуба. Свалился ротмистр, подобно тяжелому мешку. Из-под треснутой коробки его черепа потекла бордовая жидкость.

Рядом, точно в столбняке, стояла Настя, широко раскрыв обезумевшие глаза. Опомнившись, она рванулась с места, схватила Евсея за руку и тихо крикнула:

— Отец, бежим!

— Ступай, малютка,— спокойно посоветовал Евсей, высвободив руку.

Настя в недоумении посмотрела на отца, быстро огляделась кругом и пустилась бежать к городу.

Евсей снял кепку, сплюнул, провел рукой по волосам и, не спеша, пошел лесом.

Ударил ливень. Черное небо беспрерывно чертили молнии. Их огненные ветви в неуловимое мгновение появлялись и пропадали то тут, то там. Казалось, за тучами раскачивалось невидимое гигантское огненное дерево и ветви его хлестали по земле, рассекая черные тучи. Беспрерывно раскатывались удары грома, будто вся земля ударялась со всего разбега о поставленный на ее пути огромнейший металлический щит, стараясь пробить себе дорогу.

Евсей шел, приглаживая широкой ладонью промытые дождем волосы. Он ни о чем не думал, потому что знал, что надо делать.

Вас. Старцев.

ЗАПОЗДАЛАЯ ВЕСНА.

Фото А. Лесного.

На снимках. Слева: 1. Сезонный рабочий готовится к работе. 2. Готовят к стройке материал. 3. По улицам Тулы разлилась вешняя вода. Справа: 4. Купил плуг к весеннему севу. 5. Уна разлилась. 6. Прилетели весенние друзья—скворцы.

Иван Акимыч

Рассказ В. Дубенской. *Рис. Жарова.*

ИВАН АКИМЫЧ с трудом поддерживал свое сутуловатое, несуразное тело. Оно мирно покачивалось, усыпляя его бдительность, и вдруг с коварством ввинчивалось в группы идущих, расшвыривая их в стороны. Иван Акимыч беззлобно поругивался, придерживая под мышкой коня с оскаленной, веселой мордой. Около грузовика, на котором после службы рабочих отвозили на дачу, окружили его товарищи.

— Глотнул, Акимыч? Вот тебе Татьяна Егоровна покажет 40 градусов!

— Зачем? Ошибся я маленько, слабость имею. А нам ругаться—ни-ни... Мы с Татьяной Егоровной душа в душу. Вот коня сыну везу, да дочке, по ее бабьему делу, куклу.

Грузовик засмыгал шинам, закашлял. Иван Акимыч бросился к ступенькам, но неожиданно ноги его завернули к рулю. Вокруг засмеялись. Кто-то нагнулся и подал руку. В облаках пыли ехали назад распаренные зноем улицы. В скверике деревья потеряли свежесть и казались такими же раскаленными, как и крыши домов. Начался пригород с немощеными, муравчатыми уличками, разбегающимися от шоссе. Загрохотали встречные телеги. Мелькнула водокачка, а за ней разноцветными лоскутьями ровно легли поля в дрожащих струйках зноя. В первой деревне многие слезли, стало свободней. Иван Акимыч потерял опору и, покачнувшись, сел на пол. Парнишка в клетчатой кепке звонко крикнул, заглушая работу мотора.

Ошибся я... Слабость имею.

— Надо поставить вопрос, чтобы пьяных не брать на грузовик!

— А я тебе мешаю?--огрызнулся Иван Акимыч.

— Мешаешь!

— Не мешаю. Я себя содержу в аккурате. Вот ты напьешься, небось, драться полезешь.

— Я не пью.

«Эк макака скоромная привязалась»,—подумал Иван Акимыч и поближе подвинулся к краю, чтобы видеть, как поднимается из-за горки знакомый зеленый лесок. От леска бежали дети, постарше волоком тащили совсем маленьких. Все были вымыты к воскресенью. У девочек болтались цветные бантики. Иван Акимыч подождал пока сошли все и, притворяясь трезвым, слез. Босоногий черненький Колька взял коня, похлопал по серому, в яблоках крупу, ласково дернул за хвост. Иван Акимыч поднял с земли Настю.

— Ну, старшой, веди отца.

Вошли в лес. Пахло цветущим шиповником и травой. Скрипел колесиками конь, выделывая зигзаги. Перед домом Иван Акимыч приостановился.

— Ну, а мать, что?

— А ничего,—нахмурился Коля.—Ругать тебя будет.

— Это почему?

— А ты пьяный.

— Пьяный? Факт. Что ж, брат, а может домой-то и не ходить? Не ходить и вся штука. Я бы к товарищу зашел.

— Найдет. Иди, папка, домой, пироги пекли. Есть хочу.

Вошли в кухню. Коля шмыгнул вперед.

— Мама, отец пьяный! Коня привез.

— А какой же еще? Дело известное...

Татьяна Егоровна сердито повернулась к двери, в которую боком влезал Иван Акимыч, и устало махнула рукой.

— Чем коней, да кукол дарить, лучше бы детям тебя таким не видать.

Началось обычное. Иван Акимыч, когда его ругала жена, легко каялся, клялся в рот вина не брать, готов был валяться в ногах, но все это до поры до времени. Стоило ей не поверить клятвам и он безнадежно обижался, буянил. Татьяна Егоровна забирала детей и от греха уходила к соседям.

В этот раз Иван Акимыч начал сердиться очень скоро. Татьяна Егоровна сунула ему ведро.

— Акимыч, сходи по воду. Ладно уж, не гуди, верю.

— Ну вот, давно бы так. А то наладила сорока про Якова, а с Якова про всякого,—не верю. Говорю: больше ша...

Он взял ведро, подхватил Настю и вышел.

***

Первый раз за все лето Ивана Акимыча надул закадычный друг, не пришел в субботу рыбу удить. Уходили они обыкновенно с вечера, чтобы по холодку дойти до места, развести костер, поговорить о политике и под разговор выпить не торопясь. К утренней заре, пригревшись у огня, спали. Иногда на крючек закинутой с вечера лесы клевала незадачливая рыбешка. Поплавки тонули точками, танцовали на воде. Рыба чаще срывалась, уходила под розовевшую от восхода солнца воду, а иногда оставалась и тогда часам к десяти, проснувшись от припека, Иван Акимыч с приятелем несли ее к Татьяне Егоровне.

Совсем стемнело. Светлячками расползлись за деревьями огоньки дач. Иван Акимыч сел на качели и, неумело поджимая длинные ноги, стал раскачиваться. Мимо кривились тени гуляющих. Качели уныло поскрипывали, наводя тоску. Подошел Коля. Иван Акимыч обрадовался, затормозил с разгону.

— Сынок, неси удочки да оденься. Пойдем рыбу удить.

***

Тихонько прокрались мимо дач. Коля запахнул пальтецо, надвинул на глаза фуражку и поежился. Ему хотелось, чтобы скорей наступала настоящая ночь, загасли отблески заката и настало то настоящее, на что брал отец. Вошли в рожь. Она

Коля крикнул и побежал...

тяжело шла под ветром зеленым колосом. Иван Акимыч зажег трубку и сплюнул.

— Ты поскорей, сынок, беги. Ноги оттяпаю.

— Я бежу.

— То-то, вот я и говорю. Мы с тобой сейчас костер запалим. А ты только к воде не ходи, а то тебя лешак туда утянет.

— Лешак в лесу живет.

— Ну, не лешак—русалка или водяной, что там в воде полагается.

— Ты врешь.

— Вот те на... вру... Разве так отцу отвечают? Может и вру, а ты верь.

— А я не верю, ты пьяный.

Иван Акимыч рассердился, хотел дать подзатыльник, но Колька далеко забежал вперед.

— Ну ладно, шпингалет, пойдем вместе.

Утопая в росистых травах, вышли на луг. Мышиный горошек вязал колькины ноги. Башмаки и чулки промокли, но от трудной ходьбы было жарко. Появилась река. В низине, на зеленых подушках лозняка, разлегся туман. Тянуло сыростью, болотом. Собрали охапку сушняка и подожгли. Иван Акимыч спустился к реке, достал из синей моссельпромовской коробочки червяков, насадил, на крючки и забросил в воду. Его клонило ко сну. С Колей стало скучно, а главное нельзя было выпить припасенную сотку. Расстелил пальто и лег у костра. На траве трепетали красные отблески, а за ними наползала чернота. Колька стало жутко. «Домой бы»,—подумал он, но сказать постыдился. Отец захрапел, отвернувшись спиной. В лозняке зашушукался ветер. Костер ярко вспыхнул и стал затухать. За сушью надо было итти к реке. Коля побоялся. Он долго следил, как бегали огненные живчики в угольках, как потухли они, попудренные пеплом. Костер загас. Близко ходили по лугу.

— Эй! Колька - а - а!

— Папа, страшно, — громко крикнул Коля. Иван Акимыч всхрапнул во сне.

— Папа, тише позвал мальчик.

Кто-то шел все ближе, громко сопел, переваливался. От страха вспотели руки и гулко застукало в груди. Вдруг в затылок ткнулось тяжелое, мягкое. Коля крикнул и побежал, не видя дороги, вверх по оврагу.

К костру вышла лошаденка, посмотрела ему вслед и, фыркнув, уткнулась в траву.

***

Солнышко стало высоко. Зарозовела река. Иван Акимыч раскрыл глаза. Болела голова с похмелья.

— Коля,—сказал он не поворачиваясь — зачерпни мне водицы.

Никто не отозвался. Иван Акимыч привстал, посмотрел кругом из-под опухших век.

— Колька!—крикнул он погромче.—Вот я тебе уши надеру, гражданин советский. Говорил не ходи к реке.

Подполз к берегу и заглянул вниз на полосу песка. Там никого не было. Одна удочка плавала в воде, зацепившись за что-то. Иван Акимыч выругался, тревожно осмотрел берег и еще раз во все горло крикнул.

— Коль-ка-а!

Откликнулось эхо. Поднялся, пробежал по лугу и бросился к воде. «Удочка упала, уж не баловал ли ей? А вдруг утонул? Не доглядел я мальчишку. Матери-то, матери-то, что я скажу?

Продолжая звать, не раздеваясь, полез в воду. Обшарил дно у берега, пошел к середине. Течение усилилось, потянуло вглубь и Иван Акимыч как-то сразу ослабел, понял, что один не справится. Вылез на берег и побежал к дачам за народом. Ноги не слушались, задыхался, шатало из стороны в сторону, и не было, казалось, конца раскаленному солнцем крутому под'ему. Мысли путались. То представлялся Алеша, умерший года два назад от скарлатины, то вспоминались мокрые от воды скользкие стены подвалы, слизь расплеснутых помой и покойница мать, худая, растрепанная.

— Татьяне-то, жене-то, что скажу, пьяница я окаянный,— бормотал он, спотыкаясь о кочки.

***

Иван Акимыч отыскал Кольку: он лежал поперек дорожки, головой во ржи, подсунув руку под раскрасневшуюся щеку и спал, посапывая веснущатым носом.

— Ах, ты, еж те в карман,—радостно выругался Иван Акимыч. Сел на землю, дрожащими руками зажег трубку. Пролетела мимо пестрая бабочка, мягко села на огненную кашку, пошевеливая усиком. Иван Акимыч поднял глаза.

Вокруг дышали зноем поля.

«А я-то, я-то, как пес на цепи у вина»,— с упреком подумал Иван Акимыч, достал сотку и сердито шваркнул ее в рожь.

— Пропадай ты пропадом, окаянная!—вслух сказал он, потом поднял спящего Кольку на руки и, не оборачиваясь, пошел к дачам.

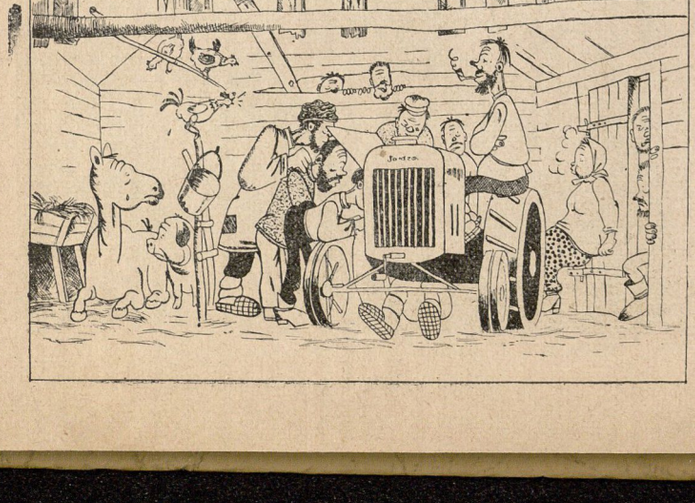
В. Дубенская.

СТАЛЬНОЙ КОНЬ.

Шарж Жарова.

Почь идет баркасом синим,
В волны снега метится.
За избой на ветлах иней
Светляками светится.
Собирались, обсуждали
Крепко, по-серьезному.
Не одну протолковали
В хате полночь звездную.
— Без ухода год от года
Речка наша тинится,
А полоска без ухода—
Черства и суглиниста...

Дым махорки душной тучей
Виснет над окошками.
— Как способнее и лучше,
С трактором иль с сошкою?
Говорили-порешили
Закупить диковину.
Хрола в город снарядили
Привезти штуковину.
— Хрол Иваныч всем известный
Моторист первеющий...

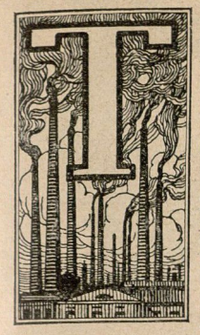
Подымался из-за леса
Ветер, солнцем веющий.
Хрол уселся трактористом,
Всем кивает гордо.
С песняком и звонким свистом
Едет Хрол из города.
Эй, гудит, гудит чудило,
Тын дрожит и клонится,
На дороге крутит пылью,
Ветер следом гонится.
Обогнул все избы трактор,

Для машины—долго ли?
В'ехал он в сарай сразмаху,
Хрол слезает гоголем.
Мужики в сарай собрались,
План работы ладили,
Дивовались, любовались,
Сталь любовно гладили.
Ночь на звездах, что на кольях,
Млечный путь развесила,
А ручьи все пели в поле
Небывало весело.

Ив. Сирота.

В НОВЫЕ СОВЕТЫ.

Очерк Арсенова.

ТУЛА пестрит перевыборными плакатами, лозунгами, организованно, со знаменами и музыкой, идут рабочие на перевыборы.

В огромной мастерской столярного цеха вагонных мастерских сегодня не движутся ремни... И огромные маховики станков остановили свой бег.. Два красных ремонтирующихся товарных вагона, стоящих в углу мастерской, кажутся игрушечными.. и штабеля теса, брусьев и досок, протянувшихся белой каймой вдоль стен помещения, кажутся совсем мизерными и незаметными в этом огромном помещении... Посреди на живую руку сделана эстрада и бесконечные ряды скамей из пахнущих смолой досок.

Но вот чаще и чаще хлопают двери... Входят по одиночке, по-двое. Потом двери уже не закрываются и двумя темными потоками хлынули в зал рабочие... Занимают все скамьи, придвинулись к трибуне, забрались на штабеля, на станки, на вагоны, лепятся на карнизах, сплошной массой закупорили проходы...

— Начинай!

Присутствует 800 человек.

Повестки подсчитывают, пересчитывают, а их все подносят целыми ворохами...

Это—стопроцентная явка!

Собрание началось... Сейчас будет утверждаться наказ.

Тихо.. Не верится, что в зале 800 чел... Кажется, что председатель зачитывает наказ совершенно в пустом зале... Такая тишина, такое внимание... Они все 800 в копоти и мазуте пришли сюда выбирать горсовет.

— Какие добавления?..

Поднимает руку один.. другой... Каждый предлагает свои изменения и добавления в наказ... Высказываются за и против.. Голосуется... Проходит час, уже принято сорок добавлений... Так дисциплинировано ведут себя рабочие и так гладко проходит собрание...

Кандидатов голосуют персонально, и все они, выставленные комячейкой, профактивом и добровольными организациями, проходят единогласно—сотнями рук, сотнями голосов..

* * *

Меднопрокатный и № 1 заводы по активности шли в перевыборную кампанию впереди всех.

На перевыборное собрание одной из мастерских завода № 1 явилось даже 120% избирателей, как сообщил в своем отчете предизбиркома. Эта цифра вызывает улыбку, но она правильна... А именно, на собрание явились не только все до одного, кто должен был явиться, но и освобожденные от работ, больные рабочие, семьи рабочих и т. д.

И здесь среди станков завода № 1 и в огромных гремящих листами меди цехах меднопрокатного мы видим небывалый подъем, энтузиазм рабочих масс... Кандидаты, выставляемые общественными организациями, проходят единогласно, хотя каждая кандидатура предварительно основательно разбирается собранием.

Отводят замеченных в пьянстве, одного ответи за какие-то недоразумения в семейном быту и т. д.

Первый пленум Райсовета Центрального района.

Рабочие выдвигали в советы лучших, активнейших, преданнейших советской власти рабочих. Как общее явление, в мастерских наших крупных заводов собрания проходили дисциплинированно, гладко, с максимальной экономией времени.

Две недели шумела Тула собраниями: в мастерских на заводах и фабриках, в клубах... Две недели вдоль и поперек разбирался и прорабатывался наказ.. Сотни предложений, тысячи вопросов, десятки тысяч голосов—так рабочая Тула создавала свой новый совет рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов.. Почти все заводы и фабрики показали в эти перевыборы стопроцентную активность, стопроцентную явку, показали, насколько они выросли культурно, насколько созрели политически, показали свою преданность революции и преданность от крови и плоти своей рабочей власти.

* * *

Ломая последние преграды старого, отжившего семейного быта, в эти перевыборы бурно хлынули вперед и женщины—домашние хозяйки...

Я живу на тихой древней уличке, где подслеповатыми оконцами кургузых домиков с мезонинчиками на меня смотрит опухший, обваленный в пуху, заспанный прошлый век.

В двадцатых числах марта вечером, когда весенние лужи чуть подернулись ледком, эта уличка неожиданно проснулась и зашевелилась. Старые калитки, жалобно повизгивая ржавыми петлями, выпускали на улицу девушек, женщин... Они выходили по-одиночке и группами... В квартирах—в домиках, в мезонинах вдруг стало непривычно пусто и тихо...

Мой сосед—рабочий меднопрокатного завода—вздумал ставить самовар, опрокинул ведро с водой и, обругавшись в царя и бога, с силой швырнул об пол самоварную трубу...

Все 8 женщин из нашего дома ушли на перевыборы... Мужчины, пофыркивая и сердясь, сами не зная на что, слонялись по неприютным теперь и пустым комнатам...

А около красного кирпичного здания клуба, переделанного, между прочим, из церкви, многоголосо шумела бабья толпа... В узкие двери клуба ломило неорганизованное население.. Кого-то прижали. Кого-то ругали за порядки... за узкие двери.. Что «везде очередь... нигде, никуда»...

Подняв над головами повестки, осаждали дверь... Наконец, затор прорвало, и все устремились в высокое с балконами помещение клуба... Видели-ли стены этого здания когда-нибудь более шумливое, более безалаберное собрание, чем это собрание неорганизованного населения?...

В шалях, в шляпках, в пестрых косынках неорганизованные женщины галдели на все голоса, заразительным хохотом сыпали с хор... Шушукались, гудели.. Растерявшийся, всклокоченный председатель долго махал колокольчиком, которого не было слышно... Что-то говорил... губы его шевелились, он, должно быть, даже кричал... Но его голоса не было слышно. Наконец, неорганизованные мало по-малу стали утихать... Начали читать наказ... Но тут поднялись несколько женщин и заговорили враз: об очередях, о лавкомиссии, о том, почему не отпускают олифы для покраски крыш и железа листового... Что нужны школы, школы...

Приступили к голосованию кандидатур. Большинством голосов прошли кандидатуры, выставленные общественными организациями.

Пленумы райсоветов и горсовета были апофеозом перевыборов. Максимум доверия партии, сплоченность, дисциплинированность рабочих масс, их преданность делу социалистического строительства — вот что еще раз подчеркнули торжественные, прошедшие с огромным подъемом, пленумы советов

Город затихал... Март хмурился синей тучей... Дороги почернели. И вот где-то в глухом углу старой Тулы столетним колоколом зазвонила церквушка... Старый попик истово, на зло всему пролетарскому миру, с десятком злых и едких старух и лишенцев молился богу.

На окраине. *Фото-этюд В. Сэпп.*

Фабрика слова

НА ОБТОЧКЕ СЛОВА.

БОЛЬШИЕ окна, маленькие комнаты. Тесно сгрудившиеся столы, стулья. На стенах—скупо развешанные плакаты, картон с газетными вырезками, телефон.

С утра начинается редакционная жизнь. Комнаты наполняются сотрудниками. Сутулясь, замашистыми шагами проходит в кабинет редактор. Секретарь с кем-то разговаривает по телефону, заложив одну руку в карман брюк и покачиваясь на каблуках. Зав. отделом рабочей жизни уже склонилась над десятками писем рабочих о их жизни, о их быте, о непорядках на фабриках и прочем.

Застрекотали Ундервуды, перепечатывая рабкоровские письма.

Быстрыми шагами просеменил по комнатам некто с портфелем, красный, потный. Секретарю в упор:

— Вы Питерский?

Секретарь спокойно откинулся на спинку стула.

— Нет, не я. А что вам надо?

— Как что?

Портфель с размаху шлепнулся на стол.

— Меня во вчерашнем номере газеты изругали за бесхозяйственность...

— Да?

Секретарь чуть заметно улыбается. Улыбается и фельетонист, уткнувшись в газету.

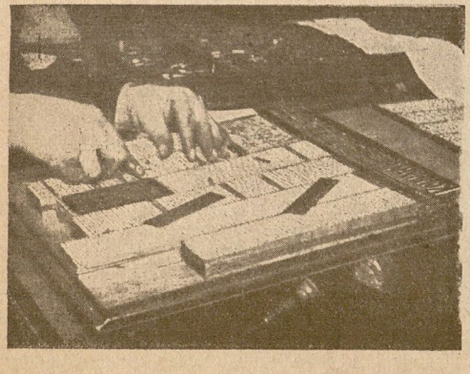
— Мы ничем не можем вам помочь,—отрезает секретарь.

В кабинете редактора идет совещание литсотрудников. Быстрые и четкие фразы, отрывистый шорох карандаша. Здесь определяется лицо номера: о чем будет завтра рассказывать газета, кого она будет завтра бить.

После совещания и начинается по настоящему редакционный день...

— Сейчас нам нужен материал о смотре производственных совещаний,—говорит зав. отделом рабочей жизни рабкору активисту, напряженно опершемуся на ее стол. Она разъясняет подробно и быстро, что он должен делать в эти дни.

Во всех цехах гулких заводских мастерских, во всех фабриках и учреждениях рассыпаны рабкоры. Их заметки—кровь и тело газеты. Один «Коммунар» насчитывает около 500 постоянно пишущих рабкоров.

Верстка „Коммунара" в типографии.

На засаленных клочках разбегаются кривые строчки их заметок. К бумаге пристала серебристая металлическая пыль, бумага еще пахнет сладким запахом олеонафта. Большинство заметок пишется в обеденные перерывы—на столах красного уголка, на ящиках с инструментом, на суппорте притихшего станка. В редакции они подвергаются тщательной обточке, обработке. Выбрасывается все лишнее, отделывается и заостряется все нужное...

Репортеры и хроникеры или «волки», как их называют в шутку, на ходу получают задания.

Заметка в газету.

— Миша, разузнайте насчет посевной кампании!

— Шапошников, беги на завод. Как там с переходом на рельсы летней культработы?

— В культхозсмычку...

— В губфинотдел...

— В губоно...

— Быстренько! Через полчаса нужен материал.

Репортеры один за другим выбегают из редакции.

Входит Николай М., оглядывает репортерскую маленькими подвижными глазками и несколько раз делает пальцами жест, точно подзывает цыплят.

Это значит: «Давайте хронику».

Репортерская пустует недолго. Снова зашуршала бумага, захлопали по столам блокноты, напряженный шорох перьев и отрывистые фразы наполнили комнату. Над столами набухает густой табачный дым.

Трещит телефон. Это звонят из типографии, требуют материал.

Художник за столиком в углу заканчивает карикатуру на первую страницу газеты.

У стола низенького коренастого человека с лицом хитрого мужичка сгрудились рабкоры. Перебивая друг друга, они рассказывают о стенгазетах, о производственных неурядицах. Несколько рабочих тут же строчат заметки, согнувшись над столом.

— Раковский, когда же доклад будет на рабкоровском кружке?—басит у стола рабкоровского отдела рабкор старик.—Ты слышишь?..

Молодой рабочий в засаленной куртке проталкивается на середину комнаты и недоумевающе оглядывается по сторонам.

— Где тут редакция журнала «Молот»? Кому мне показать свои стихи?—спрашивает он комнату.

— А вон Старцев,—откликаются сразу в нескольких местах.—Вон, налево.

Старцев медлительно оборачивается от стола.

— Стихи? Давайте!

И также медленно, покачивая в такт карандашом, прочитывает стихи товарища в присутствии целой группы литературной молодежи, облепившей «Молотовский» стол.

Большинству стихотворений, поступающих в «Молот», сильно нехватает технической отделки. Рабкор, посылая с своей заметкой стихотворение, где он тоже хочет рассказать про жизнь рабочего, частенько не умеет вложить свою мысль в четкие, звучные строки.

Рифмы и размер, что говорится, хромают на обе ноги.

Об этом говорит Старцев парню, разбирая стихотворение. Он рассказывает о «старушке» рифме, которую надо уважать, о непоседливой егозе-размере.

Все рассказать нельзя. Важно—указать путь творческой мысли, показать, как надо преодолевать технические трудности.

Парень надевает кепку. Парень понял.

— Хорошенько подчитаю дома,—говорит он.

— Подчитайте...

Из рабкоров вырастет писательская молодежь. Все те, кто пишет в «Молоте», прошли этот путь.

За-полночь горит огонь в маленькой комнатке Кольчугина, работающего над новым рассказом.

До рассвета сидит автор этого очерка над непослушными строками стихотворения...

— Надо писать лучше! Надо писать лучше! Надо писать так, чтобы в каждой строке пела и звенела жизнь, прекрасная жизнь, идущая по цехам фабрик и необъятным полевым просторам нашей страны.

Так работают все тульские писатели. Днем—работа на производстве или в учреждении, ночью—творчество... Напряженно, вдумчиво учится и работает творческий молодняк.

В редакционной комнате—шумный обмен мнений о своих произведениях, о прочитанных книгах, о литературных вечерах.

День подходит к концу. Уже зажжены электрические лампочки. За окном тонет в вечерних сумерках улица. Комнаты редакции понемногу пустеют.

Курьерша забирает последний материал газеты и произведения, принятые для «Молота», и бежит с ними в типографию. **И. К.**

ПО МАСТЕРСКИМ СВИНЦОВЫХ СТРОК.

ЧЕРЕЗ высокие окна типографии обильно льется весенний свет, путаясь в свинцовой пыли. Сотня реалов похожих на кафедры, заполняет большое помещение, оставляя узкие проходы За реалами, у наборных касс с свинцовыми литерами, стоят одетые в халаты наборщики. Литеры в их проворных руках щелкают об верстатки и ложатся в ряд, образуя строки.

Сюда беспрерывно текут рукописи от редакций. И вместо рукописных,—по букве—создаются свинцовые строки, стройные колонки набора. Колонки разверстываются в формах страниц: книг, журналов, газет. Гранки страниц по электрической подъемной машине отправляются в печатное отделение.

В этой мастерской—царство машин. Стройными железными рядами тянутся они под сводами мастерской. Грохот и лязг железа заполняют огромное помещение. Мелькают приводы, прячась в сетчатых заграждениях. Машины выкидывают широкие полотнища бумаги, испещренные строками печатных букв.

И снова машина поднимает вверх вместо свинцовых строк--отпечатанные по ним кипы бумаги.

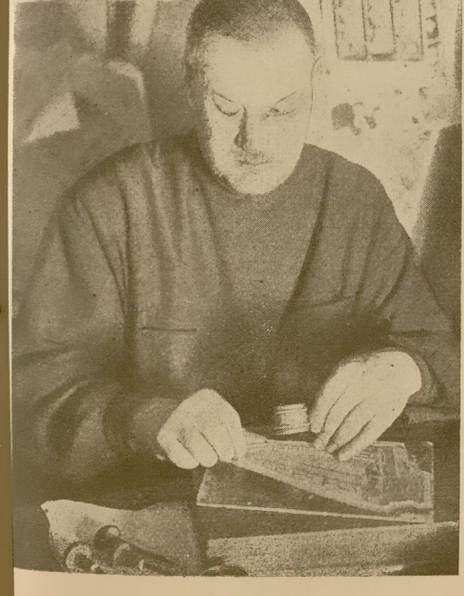
Здесь переплетная мастерская. Груды бумаги—на полу, на столах, под столами. Пахнет клеем. В привычных к делу руках переплетчиков огромнейшие печатаные листы превращаются в журналы, брошюры, книги.

Отсюда выходят готовыми в продажу журналы: «Молот», «Авангард», «Тульский край», «Кузнец», «Тульский Зритель» и много брошюр и книг.

Ручной набор и печатание отдельными листами на машинах (называемых плоскими)—способ старый. Газета «Коммунар» выпускается более усовершенствованным способом. Ручной набор здесь заменен машинным. «Типограф»—на вид машина немудреная, но заменяет собою трех наборщиков.

Он—беспокойный, этот наборный станок. Шумят ремни электрического мотора, приводя в движение все члены--части машины. Рассыпается дробью стук клавиатур. В верхней части машины, точно на большом музыкальном инструменте, натянуты пружинистые струны. Эта часть почему-то называется корзиной. Край корзины окаймляет бахрома из медных пластинок—матриц, вечных букв Наборщик ударяет пальцами по клавиатуре: со звоном скатываются по струнам матрицы, ложась в ряд, в строку. Моторным приводом подталкивается к матрицам котел с расплавленным металлом. Металл заливает форму строки, вода через водопровод охлаждает отлитую строку, которая движущимися «салазками» помещается в ряд колонки с отлитыми строками. Это делается с быстротой в несколько секунд. Стряхиваются со звоном на свои места использованные матрицы И вновь скатываются при ударе по клавиатуре, образуя новые и новые строки.

У железного стола—таллера, наклонившись над узкими свинцовыми гранками, хлопочет рабочий-метранпаж. По указанию выпускающего газету, он верстает, ставит набранные колонки статей и заметок в том порядке, в котором они должны печататься.

Цинкограф за отделкой клише.

Отделка отлитой из гарта полосы „Коммунара".

Клише делаются в соседней мастерской—цинкографии.

Течет электрический ток высокого напряжения, издавая своеобразный шум. Ослепительный свет дуговых фонарей освещает камеру огромного репродукционного фотографического аппарата. У аппарата суетится мастер-цинкограф. Ему нужно вымерить размер, насколько уменьшить или увеличить рисунок. Из рисунка величиной, примерно, с газету «Коммунар», можно сделать рисунок, с тем же изображением, величиной с пуговицу. И наоборот... Сразу несколько рисунков переснимаются на стекло, с стекла они копируются на цинковую пластинку.

Чтобы сделать клише—пластинку с рельефными (выпуклыми) местами и углублениями, цинковая пластинка, после закрашивания копированных мест рисунка и закрепления асфальтовым порошком, идет в травление азотной и соляной кислотой. Это тщательная и кропотливая работа цинкографских рабочих. Вытравливаются пустые (белые) места, остаются скопированные.

Несколько сложнее делаются клише с фотоснимков. Изображение переснимается через двойное стекло, гравированное внутри в сетку. Это делается потому, что фотоснимки не имеют штрихов. Их заменяют точки, на которые разбиваются тона изображения, путем переснятия через сетку. Мелкие промежутки между точек вытравляются и, таким путем, получается сетчатое клише.

Литеры в проворных руках щелкают об верстатку.

Клише в типографии заключается в гранках набора и, вместе с ним, идет в печать.

Стереотипное отделение. Сюда, по подъемной машине, идут сверстанные полосы газеты. На специально-склеенной бумаге выбивается матрица—форма полосы. Раздается стук огромной щетки по сырой матрице. В стороне плавится гарт—сплав металла. Высушенная под прессом матрица заключается в отливной станок с выгнутой формой, и в этой форме отливается такая же полоса, как была сверстана из отдельных гранок, только в полуцилиндрическом виде.

Ротационная машина—последнее достижение техники печатного дела.

Еще до военного времени в Туле печатные машины приводились в движение вручную,—не более, как двумя рабочими. Предприниматели ставили на эту работу здоровеннейших, сильных рабочих. (Такие машины теперь приводятся моторами до 5 лошадиных сил. Рабочий заменял собою двух лошадок!).

Теперь номера газеты в готовом, свернутом виде, выбрасываются из ротационной машины через каждые полсекунды. Человек и мысленно не успевает считать выпускаемые номера. Число их отсчитывает автоматический счетчик. С валика разматывается полотно бумаги длиною в сотни тысяч метров. Качается валик—баланс, направляя бумагу в жерло машины. Машина жесекундно ненасытно поглощает метр за метром белого полотна. Внутри машины мелькают сотни ее работающих частей. По ним зигзагообразно проходит полотно бумаги, печатается на укрепленных в машине полуцилиндрических полосах газеты, режется, свертывается в готовые номера.

Номера газеты белыми птицами летят из ротационки и ложатся один на другой стопкой.

Рано утром выбрасывается последний номер газеты и ротационка замолкает. Экспедиторы упаковывают свежие номера и отправляют подписчикам на фабрики, заводы, по учреждениям, еще до начала работ там, и в районы губернии по железной дороге.

И с утра мальчики бегают по городу, выкрикивая свежие новости, помещенные в газете, рассовывая номера газеты в руки прохожих.

Так работает фабрика печатного слова—работает беспрерывно: с раннего утра, до раннего утра.

В. Л—й.

В ЗАГСЕ

Очерк М. Кольчугина.

ГОЛУБЫХ стен сквозь темно-зеленые веера пальм смотрят застекленные портреты вождей. Ветви пальм виснут над креслами, столами, заваленными журналами и газетами.

В углу, в мягком кресле, сидит Лиза. Ей 20 лет. На ней песочного цвета капор, с серенькой кисточкой, щеки ее слегка бледны, нос немного заострен. Она для чего-то складывает и раскладывает на коленях носовой платок.

По залу, от стены к стене, ходит ее муж Гриша. Гриша старше Лизы всего одним годом. Большой козырек кепи закрывает его лоб, глаза. Когда он удаляется от Лизы, она украдкой бросает взгляд на его широкие плечи.

До этого молодые супруги нервничали и кричали друг на друга у стола разводов.

Сотрудница ЗАГС'а спрашивала:

— Дети есть?

— Один мальчик,—отвечали супруги.

— С кем же он остается?

— Ясно, со мной,—спеша отозвалась Лиза.-Я ему ребенка не отдам.

— Не отдашь, а я платить на него не буду.

— Будешь платить! Врешь!

— Вот увидишь.

— Увижу.

Сотрудница ЗАГС'а раз'яснила, что если они здесь не придут к добровольному соглашению о содержании ребенка, то дело об алиментах будет передано в суд.

— Я буду судиться,—запальчиво произнес Григорий.—Суд ей столько не присудит, сколько она просит.

— А сколько она желает?

— Сорок рублей.

— А ваш заработок?

— Семьдесят пять рублей. Одну треть, по закону,—я не против...

Договориться было трудно. Супруга перечисляла стоимость пеленок, молока, манных круп и доказывала, что она связана по рукам и ногам. Супруг стоял на своем. Он заявлял, что монахом жить не собирается и что, может быть, через девять месяцев у него будет новый ребенок.

Тогда сотрудница умолкла и взялась заполнять бланк о передаче дела в суд.

— Нет, в суд не надо,—попросила Лиза.

— В суд, в суд,—настаивал Гриша.

— Что-ж я не проиграю,— утвердительно сказала Лиза.

Сотрудница еще раз посмотрела на супругов, переспросила:

— Ну, как же? может быть договоритесь? Вы пятерку набавьте, а вы сбавьте — на 35 рублей можно воспитывать ребенка. Да и по суду вряд ли больше выхлопочете.

Супруги толклись на одном месте. Потом Лиза процедила:

— Он без суда не будет платить.

— Исполнительный лист я вам напишу сейчас же,—успокоила сотрудница.

— Ну, ладно, я на пятерку снижаю.

— Скидывай уж десятку: ни мне, ни тебе...

Молчание. Сотрудница посоветовала пойти в ожидальный зал и договориться на едине. Супруги согласились и пошли.

Но в зале разговор между ними сразу утих. Лиза уселась в кресло и начала складывать и раскладывать носовой платочек, а Гриша задумался и стал ходить от стены к стене.

* * *

Сотрудница отложила бланки в сторону. Я заинтересовался статистикой развода. Вот она,

За 1928 год в ЗАГС'е было зарегистрировано браков 2201 и разводов 1273. По социальному положению разводы разделяются так: среди рабочих—750, среди служащих—334, среди прочих—189.

Во время нашего разговора с шумом открылась дверь и к столу подбежала старуха.

...единственный выход — разойтись...

— Матушка, дурак-то мой меня прогнал,— заговорила она частя и охорашивая шаль, из-под которой выбивались жесткие, черные волосы.

— Какой дурак?

— Да мы три дня тому назад расписывались у вас.

Сотрудница улыбнулась.

— Помню, помню. Ну, и что же?

Дверь в это время отмахнулась снова с большой силой. Седой старик затопал ногами, нахмурил брови, похожие на недозревшие ячменные колосья, и заорал:

— Я брал-то кого? Хозяйку или нет? А ты что за человек? простых щей не можешь сварить. Расписывай, барышня, на обратную!

Он волновался, часто дышал, брови его шевелились, глаза сверкали злобой; рука тянулась за ручкой.

— Давай, давай, нечего по-пустому время тратить. Поблаженствовала три дня за чужим горбом, довольно! Дураки перевелись.

Когда все было готово и старик ушел довольный и облегченный, старуха долго жаловалась на свою долю, просила сотрудницу:

— Барышня, милая, посоветуй, голубочка, как мне тридцать рублей сыскать. Деньги я отдала бабам. Они обещали найти хорошего старика... И вот тебе за свои же деньги «фулюганом» меня наделили. Милая, барышня, посоветуй...

В ожидальной комнате.

Регистрируют брак.

* * *

В разводах старики мало отстают от молодых. В 1928 году в Туле получили развод 266 пар, возраст которых превышал 40 лет. Часто и дети не мешают разводам их родителей. Алименты на них почти не действуют. Разводы лиц, имеющих детей, растут из года в год. В прошлом году было расторгнуто 588 браков лицами, имеющими от 1 до 4-х детей.

Бывают случаи, когда разведенные являются снова в ЗАГС и просят снова зарегистрировать их брак.

* * *

Лиза продолжала сидеть в кресле под пальмой. Гриша ходил. Наконец он остановился у стола, посмотрел в окно. Площадь Восстания была залита солнечными лучами, оживленно бегали трамвайные вагоны, спешили куда-то люди. Они шли по-одиночке и парами под руку. В сквере у памятника Ленина бегали дети, обрадованные теплу и солнцу. Родители их тут же сидели на диванах, изредка подзывали детей, чтобы поправить шапочку или платочек.

Гриша посмотрел на детей, отвернул голову в сторону и наклонился над столом, где лежали журналы и газеты. Его внимание привлек «Прожектор» с изображением ребенка на обложке. Гриша начал просматривать его. Десятки малышей смотрели со страниц журнала. Один с заплаканными глазами смотрит на него в упор, над ним надпись: «Кто же меня будет воспитывать? Отец мой не платит алименты».

Гриша закрыл журнал, отбросил в сторону. За окном золотистыми струнами мелькали капели с крыши, бегали трамвайные вагоны, спешили куда-то люди и играли у памятника Ленина дети.

— Ну, что, надумала?— обратился Гриша к Лизе.

— Что же я надумаю еще? ты вот должен надумать.

— Знаешь что, Лиза, давай отложим развод.

— До каких пор?

— Ну, до каких?... я не знаю...

Он подсел к ней рядом, положил руку на ее колено. Она недоверчиво посмотрела на него, слегка улыбнулась.

— Ты смеешься?

— Ну, вот же, дурная... Нет!

— А мы развелись уже. (См. след. стр.).

НОВОСТИ НАУКИ и ТЕХНИКИ.

ЭЛЕКТРИЧЕСКИЙ ЧЕЛОВЕК.

Большой интерес представляет статья лондонского корреспондента берлинского журнала „Ди нойе Вельт», присутствовавшего на недавно состоявшемся новом „сеансе» электрическогочеловека, прозванного «Роботтом».

— — —

На возвышенном подиуме сидит железная фигура—рыцарь с опущенным забралом. В десяти шагах от него стоит господин во фраке и приказывает:

— Мистер Роботт, проснитесь!

Мистер Роботт—электрический человек, своеобразная конструкция лондонского изобретателя кап. Ричарда, слегка поднимает голову, мигает глазами, которые отдают блеском человеческих глаз, смотрит направо и налево, затем встает.

— Поздоровайтесь с гостями,—приказывает капитан Ричард

Кажется, что мистер Роботт на минутку о чем-то задумывается, затем он заявляет громким голосом:

— Добрый день, господа. Садитесь, пожалуйста.

Он сам садится на стул, разводит широко руками и ожидает следующего пожелания своего создателя. Капитан Ричард спрашивает у мистера Роботта, который час

Гомункулус нашего времени поворачивает голову направо, где на стене висят часы, и дает совершенно точный ответ:

— 35 минут одиннадцатого.

Все удивлены. Это удивление становится еще большим, когда таинственный рыцарь, по приказу своего господина, поднимается с места и крепко пожимает руку всем присутствующим. Он делает это очень любезно и совершенно непринужденно. Его тело при этом несколько наклоняется, голова слегка кивает—перед нами настоящий джентльмен. Мистер Роботт несколько кукольной походкой делает несколько шагов и останавливается в ожидании дальнейших распоряжений.

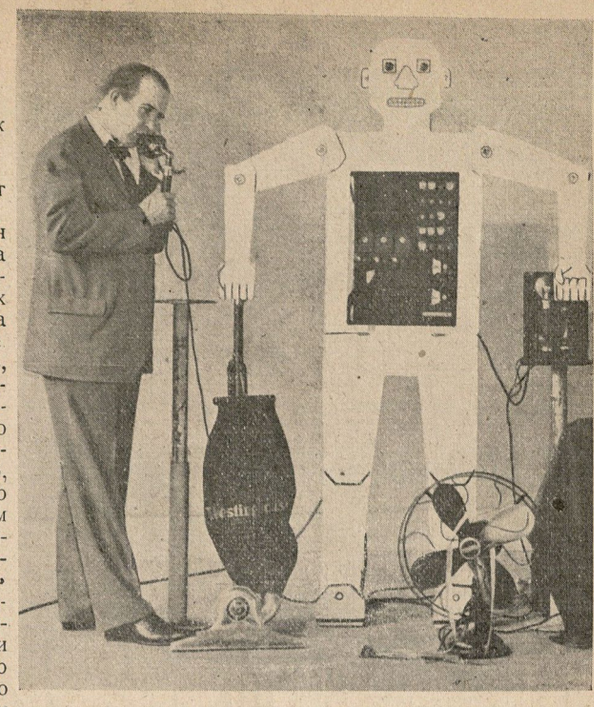
Капитан Ричард просит мистера Роботта привести комнату в порядок. Мистер Роботт осматривается, замечает в углу пылесос, берет его, несколькими движениями проводит пылесосом по полу и затем ставит его на место.

— Не пожелаете ли вы, мистер Роботт, рассказать присутствующим что-нибудь из вашей жизни? — обращается к нему капитан Ричард.

— С удовольствием.

И мистер Роботт начинает рассказывать.

«В один прекрасный день, один английский инженер набрел на замечательную м ы с л ь сконструировать из безжизненных машинных частей похожее на человека движущееся создание Он взял свинец, железо, сталь, в результате долгой кропотливой работы спаял все это воедино и вдохнул в созданную им машину жизнь. Фигура, внешне похожая на человеческую, обладает внутри себя особенно чувствительным а п п а р а т о м чрезвычайно сложной конструкции, и этому-то аппарату мистер Ричард дал название «души» своего человека. Не удивляйтесь, слыша, как я говорю. Именно аппарат моей речи являетси сравнительно п р о с т ы м — по крайней мере, с ним хорошо знакомы вы все, господа. Мои речи не что иное, как вертящиеся валики, заранее, так сказать, наговоренные, подобно тому, как наговариваются или напеваются граммофонные пластинки. Я открою вам секрет, каким образом я отвечаю на вопрос, который теперь час. Господа, внутри меня включен часовой механизм, соединенный остроумной конструкцией с валиком моей речи. И я смотрю на висящие здесь на стене часы, а отвечаю, так сказать, часами, находящимися внутри меня. Не думайте, что я никому не нужен: у себя дома я вполне заменяю мистера Ричарда во время его отсутствия—главным образом, когда его вызывают по телефону».

Изобретатель со своим электрическим человеком.

В этот момент в зале, где происходила демонстрация электрического человека, раздался телефонный звонок. Мистер Роботт встал с кресла, подошел к телефону, снял трубку и сказал:

— Алло? Квартира капитана Ричарда. Господина капитана нет дома. Прикажете что-нибудь ему передать?

Из телефона раздается ответ.

— Будет передано,—в свою очередь отвечает мистер Роботт, вешая трубку и возвращаясь на свое место.

На сцену выступает снова кап. Ричард. Он подходит к электрическому человеку и спрашивает:

— Что тебе передали для меня?

— Капитан Ричард,—отвечает фигура — должен быть сегодня в 8 час. вечера в Люнеум-театре.

Автомат, воплощающий в своем лице одновременно и фонограф и граммофон, говорит спокойным голосом, воспроизводящим голос лица, вызвавшего мистера Ричарда.

Время идет. Электрический человек снова встает, вежливо раскланивается и прощается:

— До свидания, господа. Я надеюсь, мы скоро увидимся.

— Ну, бумагу-то можно уничтожить.

Голос его дрожал. Лиза продолжала сидеть, недоверчиво слушая его слова.

— Ну, идем,— сказал Гриша с виноватой улыбкой.

Они направились к столу.

— Ну вот, все и улажено, — улыбнулась сотрудница, выслушав молодых супругов.

* * *

В ЗАГС однажды явилась новая пара. Парень в желтом бобриковом пиджаке, в кубанке, девушка в малиновом шарфе, в черной демисезонке.

— Расписываются здесь?—несмело спросил парень.

— Да, здесь. Присаживайтесь.

Эта пара не походила на обычно веселых молодоженов. И он и она были суровы. Казалось, что их насильно втолкнули сюда. Сотрудница стала опрашивать: впервый ли раз они вступают в брак, какую фамилию желают носить.

— Как ты думаешь?—спросил жених невесту.—По-моему каждый свою.

— Я хочу твою,—ответила невеста.

Он собрал губы. Хрустнул пальцами. Взглянул на невесту серыми глазами. Та вспыхнула.

— Если не хочешь не надо. Насильно тебя не тянули.

— Чего же ты кипятишься-то?

— А ты что издеваешься?

Она повернулась от стола и быстро направилась к двери. Он последовал за ней.

* * *

Причиной развода, конечно, не всегда бывают житейские мелочи. Наблюдая за разводящимися, часто приходится видеть таких парочек, у которых единственный выход—разойтись.

Вот образец. Молодой рабочий, жена у него интеллигентка. Как они сошлись—рабочий сам не может уяснить.

— Когда гуляли, не знал я, что такая мука в жизни пойдет... День ото дня все хуже и тяжелей. Все донимает: «Сеня, какой ты некультурный. Мне даже знакомые говорят об этом». «Ну, мне некогда культивироваться, как ты: у меня по пятницам доклады на цеховом собрании, а в свободное время «Правду» надо почитать, потом хоть какой-нибудь конспектик набросать».

— Ну, здесь об этом можно не говорить, тем более, что между нами все кончено,— с упреком взглянула женщина на Сеню, лизнув языком краску на губах.

Рабочий же продолжал говорить. Видно было, что он хотел доказать свою правоту, чтобы уйти отсюда с одной мыслью, — что его не считают таким, каким выставляет его жена. Жена после развода ушла, оставив за собой прежнюю фамилию—Бочановская. Сеня несколько приотстал от нее. У стола записей рождений он встретил своего товарища по мастерской.

— Ты почто сюда, Петруха?

Петруха подал руку Семену, засуетился, замялся в словах.

— Как же, сына... сын у меня родился. Владимиром назвал... Как Ильича звали. А ты?

Семен махнул рукой.

— Насилу, брат, раскрутился... вот попал в «лещетки». Хорошо, что детей нет...

Петру подали выписку и оба товарища пошли домой по одной улице рассказывая друг другу о своих делах.

ЮМОР.

Алексеевский РИК, Тульской губ., лишил права голоса граждан старше 60 лет.

Т.т. М. Н. ПОКРОВСКИЙ, Феликс КОН и М. ОЛЬМИНСКИЙ:
— Все пропало... Мы лишенцы! Зачем мы не родились позже!.. („Крокодил").

— Правда, что при социализме водки не будет?
— Конечно, не будет!
— А говорили — всем хорошо будет...
(„Крокодил").

ХОЗЯЙСТВЕННИК:—Слава богу, в стекной прохватили! Теперь можно и успокоиться... („Крокодил").

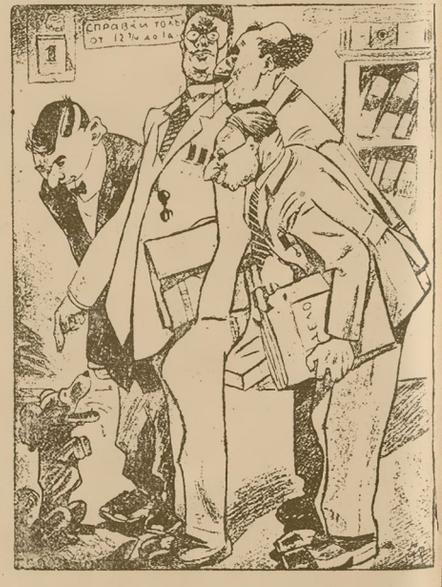
— Ох, уйдет, ворюга... Одного вора ловить надо, а она, подлая почесть во все учреждения кидается!! („Крокодил").

— Будь такой добрый, батюшка! Я ведь тебя как человека прошу.
— Извиняюсь, гражданка! Я не человек, а старший делопроизводитель. („Крокодил").

— Крышка вам, частникам: кооперативную палатку на рынке открывают.
— И слава тебе, господи: ближе будет за товаром ходить. („Крокодил").

Вот у кого самокритике надо учиться: и лает и служит. („Крокодил").

Издатель—газета „Коммунар".

Редакционная коллегия { М. Колябская, С. Корнев, С. Дмитриев, А. Медведев, В. Старцев.

Тулгублит № 489 Типография Тулпечати—Тула, ул. Коммунаров, 42. Зак. № 72. Тираж — 3800 экз.